

Джон Диксон Карр

ЗА КРАСНЫМИ СТАВНЯМИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
BEHIND THE CRIMSON BLIND
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1952
THE CAVALIER'S CUP
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1953
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Сергея Самуйлова, Михаила Тарасова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-25765-8

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2026
© М. В. Тарасов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Самолет, вылетевший из Лиссабона в 9:30, прибывал в Танжер по расписанию и уже через два часа пошел на снижение, описывая над аэропортом широкие круги. Лица большинства пассажиров, приникших к иллюминаторам воздушного суденышка, выражали недоумение и досаду.

Был первый день апреля, и они ожидали увидеть Танжер, город-лотос, в котором можно делать все, что вам заблагорассудится, нежась под горячим солнцем, отражающимся от белых домов и голубой глади Средиземного моря, где мыс Спартель обозначает самую северную точку Африки. К сожалению, погода выдалась такая же холодная и хмурая, какой она могла бы быть в Лондоне или Нью-Йорке. Самолет продирался сквозь растрепанные ключья тумана, и в просветах пассажирам удавалось разглядеть лишь блекло-зеленые кусочки суши.

«Боже!» — простонала про себя мисс Морин Холмс.

Меховое манто на этой стройной темноволосой американке оказалось по чистой случайности. Сама не понимая почему, оставить его в Нью-Йорке она не смогла. А ведь на летнюю, годную разве что для тропиков одежду, с грустью подумала мисс Холмс, потрачено почти столько же, сколько на все путешествие.

Внезапно, словно ниоткуда, к ней обратился голос, обладатель которого, похоже, воображал, что говорит приглушенным шепотом.

— Тсс! — прошипел голос. — Эй!

Спинки кресел в салоне были высокие, а табло с электрической подсветкой на двух языках над дверью в кабину пилота призывало пристегнуть ремни, однако солидный тучный джентльмен, телосложением напоминающий бочку, этой просьбой пренебрег.

Каким-то замысловатым образом ему удалось развернуться и встать коленями на сиденье, так что теперь Морин видела перед собой его крупное лицо с тяжелым квадратным подбородком, блестящую от пота лысину и очки в роговой оправе, съехавшие на кончик широкого носа. При этом его взгляд был таким злобным, что девушка отшатнулась бы в ужасе, если бы не узнала его.

— А теперь, милочка, послушайте меня, — продолжил он, обращаясь к ней, как ему, вероятно, представлялось, с безукоризненной светской вежливостью. — Мне нужно кое-что объяснить. Строго между нами... ш-ш-ш... мое имя...

Морин знала его имя. Ее зеленые глаза, длинные черные ресницы и широкий рот, пожалуй чересчур выделявшийся на бледном лице, выражали не только некоторое беспокойство, но и тайное восхищение. С той самой минуты, когда лайнер компании «Транс уорлд эйрлайнз» вылетел из Нью-Йорка в Лиссабон, Морин лелеяла слабую надежду, что старый нечестивец заговорит с ней.

— Вы тот старик... — простодушно сказала она. — Вы сэр Генри Мерривейл.

— Ну... что ж... — пробормотал Г. М. с ноткой самодовольства. — Ш-ш-ш! — тут же добавил он с жуткой гримасой, которая парализовала бы и спецназовца.

Бесцеремонное поведение Г. М., сердито взирающего на нее поверх спинки кресла, пришлось Морин не по вкусу. Дома, на работе, она отличалась собранностью и деловитостью, оставаясь при этом женственной, но здесь,

за границей, несколько ослабила самоконтроль, и ее истинная натура тут же вышла наружу.

— Вы ужасны! — выпалила Морин.

— Ужасен? Как это понимать? — возопил Г. М.

Его могучий голос перекрыл гул моторов плавно снижающегося в тумане самолета, и заметно нервничавшие пассажиры привстали, оглядываясь и крутя головами. Подошедший к Г. М. стюард-португалец указал на ломаном английском, что нужно пристегнуть ремень. Г. М. вручил ему десятифунтовую купюру и велел сматывать удочки, что стюард и сделал.

Морин Холмс, уже пожалевшая о своей несдержанности, попыталась объяснить:

— Я имела в виду, что так вас представляют газеты. По приезде в Нью-Йорк вы устроили беспорядки в метро. В деле Мэннинга, как утверждают некоторые, вы... э-э...

— Подтасовал улики, да?

— Если слово «подтасовал» подходит для того, что вы сделали, то да. Полиция гонялась за вами в Вашингтоне, Балтиморе, Филадельфии и я уж не знаю где еще! В том числе и в том городке, возле Чарльстона, где вы убедили шефа полиции арестовать мэра.

— Перестаньте, дорогуша! — Г. М. махнул рукой, отметаив эти обвинения как мелкие неприятности. Его удивило, что кого-то еще беспокоит такая ерунда.

— В ваш последний приезд в Нью-Йорк, — продолжала Морин, — в «Метрополитен-музее» тоже случились беспорядки, и еще там кого-то убили. — Она взглянула на него из-под ресниц. — Конечно, лейтенант-детектив из отдела убийств раскрыл это дело...

— Угу, — хмыкнул Г. М., закатывая невинные глаза. — Конечно. Несомненно.

— Комиссар полиции устроил в вашу честь большой банкет, и все было замечательно. Все думали, что вы воз-

вращаетесь в Англию, но никак не в Танжер, а вы улизнули тайком и...

Морин остановилась. Опустив голову, так что ее гладкие черные волосы упали на красивое бледное лицо, она нерешительно постучала пальцами по сумочке.

— Конечно, это не мое дело, — мягко добавила она, поднимая свои зеленые глаза, — но вы не возражаете, если я скажу, почему все это было мне в некотором смысле неприятно?

— Господи, конечно же нет!

— Даже если закрыть глаза на ваше недостойное поведение, а ведь вы английский аристократ...

У Г. М. отвисла челюсть.

— Недостойное поведение? *Мое?*

— Кроме того, — упрямо продолжала Морин, — были еще женщины. Эти ужасные женщины! Извините. Да еще в вашем возрасте...

Г. М. побагровел.

— Я абсолютно невиновен! — с чувством и, надо признать, немалой долей искренности воскликнул он. — Это все газетчики, клянусь вам! Пишут обо мне всякую чушь, потому что знают: я скандалить не буду. Гори все огнем! Стоит заговорить с хорошенькой девушкой, как они уже тут как тут со своими камерами! Они бы написали, что я вожу шашни со статуей Свободы, если бы рассчитывали заставить кого-то проглотить этот бред.

— Так все это неправда?

— Меня неправильно понимают, — вздохнул Г. М., и на его лице проступило скорбное выражение человека, нуждающегося в защите в этом порочном мире. — Правда! Я самый непонятый, самый чистосердечный человек из всех, что когда-либо ступали по земле. Являю собой образец благородства и скромности, никого не беспокою, а они клеветают на меня и оскорбляют. Посмотрите на меня, дорогуша. Взгляните на эту физиономию! Да, вы мо-

жете называть меня «папашей» — в Америке почти все так и делали, но разве я похож на старого прощелыгу?

Вопреки дурному настроению, в сердце Морин Холмс звякнул веселый звоночек. Но выражение ее лица оставалось сочувственно-серьезным.

— Нет, сэр Генри. Не похожи.

— Хорошо! — сказал Г. М. совсем другим тоном. — Мы вот-вот приземлимся, — его тяжелая рука вынырнула из-за спинки кресла, и указательный палец едва не уткнулся в нос обескураженной Морин, — и вы ответите мне на несколько довольно интимных вопросов. Понятно?

— Хорошо! Я...

— Как вас зовут, милочка?

Морин назвалась.

— Вы в Танжер по делам или отдохнуть?

— У меня отпуск. Две недели свободы плюс время на перелет туда и обратно.

— Где вы работаете? Если работаете...

— Я — рецепционистка в «Джонс, Говард и Рамсботэм». Это крупная юридическая фирма на Пятой авеню, дом триста восемьдесят шесть.

— Где вы собираетесь остановиться в Танжере?

Морин криво улыбнулась, и на щеках у нее проступил румянец, отчего ее личико стало еще милее.

— В отеле «Минза», — ответила она. — Мне сказали, что это лучший отель в Танжере. Но вообще-то, я не могу себе этого позволить. Я просто... просто... — Она сокрушенно развела руками и снова улыбнулась.

— Ха, все лучше и лучше, — заявил Г. М. — Я тоже забронировал там номер. А теперь скажите мне. Эта юридическая фирма... «Плюшботтом» или как там ее... сколько они вам платят, скажем, в неделю?

Румянец на щеках Морин сгустился, но она все же ответила.

— Ага. — Г. М. снова ткнул указательным пальцем ей в нос. — Тогда вот что я сделаю. Я утрою вашу зарплату и добавлю две сотни в качестве бонуса, если вы притворитесь — только притворитесь — на две недели моей секретаршей.

Морин молча уставилась на него. Шум двигателей почти стих, и пассажиры, всматриваясь в затуманенные иллюминаторы, негромко переговаривались. Не дождавшись ответа, Г. М. застонал.

— О боже ты мой! — воскликнул он и хлопнул себя ладонью по голове. — Нет! Это не то, о чем вы подумали. Я не мерзкий старикашка и не подкатываю к вам с грязным предложением. Я готов это доказать! — Его лицо снова приняло скорбное выражение. — Я самый непонятый, самый...

— Ничего такого я и не думаю! — запротестовала Морин. — Честное слово!

— Тогда...

— Я не понимаю. Почему вы хотите, чтобы я притворилась вашей секретаршей?

— Ш-ш-ш! — прошипел Г. М., заговорщицки оглядываясь по сторонам. — Никто не знает, что я в Танжере. Ни одна живая душа! За исключением британского консульства: меня будет встречать парень по имени Бентли — он от них, но они будут держать язык за зубами. Более того, никто не узнает, что я здесь. Буду сидеть в шезлонге в темных очках, бездельничать и приходить в себя после отпуска в Америке.

— Но...

— Вы здесь говорили о копах, — Г. М. горько усмехнулся, — которые гнались за мной практически от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Наверно, думаете, что я хорошо проводил там время? Как бы не так. Почему? Да потому, что сначала те же копы втянули меня в одно дело,

чтобы я помог им, а потом — гори все огнем! — им не понравилось, что я немного поиграл с уликами.

Тут Г. М. подался вперед из-за спинки кресла, так что даже очки его как будто сделались больше.

— «И что же это за дело?» — спросите вы, и я вам скажу. Одно из тех, которые классифицируют как невозможное преступление. Вот что!

— Но... — Морин заколебалась, — разве это не ваша специальность?

На лице Г. М. появилось горестное выражение, что бывает на лице ступившего на путь трезвости пьяницы, который видит перед собой откупоренную бутылку благородного виски, и никого нет поблизости.

— Я ничего не могу с собой поделать, — жалобно сказал он. — Предположим, я услышу о парне, которого застрелили в запертой комнате или задушили на песке у моря, где не осталось никаких следов, кроме его собственных... Ох, милочка! Меня как будто охватывает пламя любопытства. Оно не дает мне покоя, и я не могу уснуть, пока не объясню, как это случилось.

— Да. И?..

— Это пламя, оно пожирает меня, вот и все. В Лондоне живет змея по имени Мастерс. Я не мог понять, почему он съехал с катушек, но теперь понимаю. — В голосе Г. М. снова зазвучали пафосные нотки. — Что бы они ни думали, я — старик. Терпеть не могу всю эту ерунду. Если кто-нибудь скажет мне «это невозможно», я ударю его по голове сифоном с содовой. В Танжере я ничего подобного не ожидаю, но мне нужна полная уверенность, что меня ни во что не втянут. Вот для чего вы мне и нужны.

— Нужна для чего?

— Послушайте, — настойчиво продолжал Г. М., — нам даже необязательно находиться рядом. Когда будете выходить из отеля, просто оставьте записку, что ушли со мной, но не знаете, куда мы идем и когда вернемся. Если

я буду в отеле одновременно с вами, вы отвечаете на телефонные звонки. Говорите, что я упился до потери сознания или что у меня какая-то ужасная инфекция... В общем, что-нибудь в таком духе. Я совершенно серьезен. Ну как, согласны?

Морин прикусила нижнюю губу. Взгляд ее прошелся по салону, обходя Г. М. Она откинула меховое манто, открыв стройную, гибкую фигуру в темно-зеленом платье с металлическими пуговицами.

— Сэр Генри, — жалобно произнесла она, — я не могу.

Шасси с мягким стуком коснулись взлетно-посадочной полосы, самолет подпрыгнул и выровнялся. Стюард на португальском языке попросил всех оставаться на своих местах. Снова зарокотали двигатели: самолет совершал какой-то сложный маневр, разворачиваясь, чтобы дверца самолета, расположенная по левому борту, была обращена к зданию аэровокзала.

Поддавшись романтическому порыву, Морин протянула руку и коснулась спинки кресла под головой Г. М.

— Мне ужасно жаль, но я не могу! — почти с мольбой произнесла она и, поколебавшись, добавила: — Понимаете, я так рассчитывала на эти две недели. Полная свобода... Ну, вы сами только что сказали... Когда тебя никто не может достать, как бы ни старался. Когда можешь показать язык зазвонившему телефону. Когда ни за что и ни перед кем не несешь ответственности...

Морин глубоко вздохнула.

— Это чудесно! — добавила она низким приятным голосом. — Если бы вы годами работали в офисе, постоянно твердя себе: мне нужно запомнить это, мне нужно запомнить то, и дошли бы до точки, когда хочется просто закричать, вот тогда, я думаю, вы бы меня поняли.

В наступившем молчании Морин опустила глаза.

А потом с удивлением обнаружила, что трубный голос Г. М. может быть таким мягким.

— И мне жаль, дорогуша, — сказал он, уставившись в пол. — Это я должен извиниться. — Он растерянно поскреб голову, словно по старой привычке хотел пригладить волосы, которых там давно уже не было. — Возможно, старик понимает гораздо больше, чем вы думаете. Но вы ведь сохраните мой секрет, не так ли?

— Конечно сохраню, — выдохнула Морин. — Все секреты! Хотя...

— Ш-ш-ш! Хотя что?

— Если мы остановимся в одном отеле, то обязательно встретимся. Вы, должно быть, забронировали номер под вымышленным именем. Как мне вас называть?

— Герберт Моррисон, — тут же ответил Г. М. — Только не делайте такое забавное лицо, как будто вы уже слышали это имя раньше! Инициалы те же самые, верно? Я старый добрый Герби Моррисон. Тсс!

Издав металлический звук, самолет резко остановился. Расстегнув ремни и громко переговариваясь по меньшей мере на пяти языках, пассажиры заторопились к выходу. Поскольку Г. М. и Морин занимали два передних места по правому борту, они никуда не спешили.

Грузно поднявшись, Г. М. нахлобучил на голову шляпу с яркой лентой и загнутыми книзу полями. Его легкий полотняный костюм дополнял один из тех отвратительных, расписанных вручную галстуков, которые повергли бы в ужас лондонскую Риджент-стрит.

— Сэр Генри, — нерешительно предложила Морин, — может, вы пойдете первым? Я имею в виду, что вам придется двигаться боком по проходу к двери и так будет гораздо удобнее.

При всей своей подозрительности Г. М. не смог уловить в этих словах ни малейшего оскорбительного намека на его внушительный живот.

— Умница! — согласился он и, повернувшись боком, двинулся вперед, держа руки над головой, словно танцор

балета. — Черт возьми, как же приятно оказаться там, где тебя никто не знает!

— Сэр Генри...

— Пожалуйста, зовите меня мистер Герберт Моррисон или Папочка.

— Я не могу вас так называть! — возразила шокированная этим предложением Морин. — И кстати, что это за шум там, за дверью?

Разглядеть что-то за запотевшими окнами было почти невозможно. Но туман снаружи рассеялся. Построенный на немалом удалении от города, в горной местности, аэропорт Танжера продувался ветром.

Крики и проклятия раздавались у подъехавшего к открытой двери трапа. Всех пассажиров, торопливо спускавшихся по трапу, тут же отводили в сторону, и они выстраивались в ряд у самолета, будто здесь их должны были расстрелять.

— Ничего страшного, милочка, — презрительно фыркнул Г. М. — Когда испанцы, португальцы или арабы начинают орать друг на друга, а ты не знаешь и десятка слов, то может показаться, что вот сейчас случится убийство, хотя на самом деле спор идет из-за одной песеты в счете. Ш-ш! Понимаете...

Вручив чаевые стюарду, который склонился так низко, что едва не упал, Г. М. торопливо спустился на три ступеньки вниз по трапу и лишь затем поднял голову. Впереди, примерно в сорока футах, тянулось длинное приземистое здание аэровокзала с несколькими стеклянными дверями.

А потом в поле зрения Г. М. попало то, что находилось непосредственно перед ним. Шея его раздулась, а глаза за большими стеклами очков выпучились. Он наверняка упал бы, если бы крепко не ухватился за поручни.

— Боже мой! — прошептал он.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И в кои-то веки призыв Г. М. к состраданию был не лишен оснований. Взрывом приветственных возгласов, вырвавшихся, казалось, из тысяч луженых североафриканских глоток, ему едва не снесло панаму, но не это привлекло его внимание. Первым, на чем остановился затуманенный взор, были два красных шелковых каната, пропущенных через кольца на металлических столбиках, расположенных с интервалом около десяти футов, тянувшихся от подножия трапа к центральному входу в здание аэровокзала и образующих широкий, разделяющий толпу проход.

Все еще затуманенный, взгляд Г. М. переместился вверх.

Над центральной дверью красовались три огромных обращения, созданных из сплетенных тропических цветов и пламенеющих на фоне унылых бурых холмов. Написанные на трех разных языках, они располагались одно над другим таким образом:

Salud y Pesetas y Cosas Nuevas a SIR HENRY MERRIVALE!

Vive le Vieux Bonhomme, SIR HENRY MERRIVALE!

*Salamun aleykum, SIR HENRY MERRIVALE!*¹

¹ Здоровья, денег и новых дел сэру Генри Мерривейлу! (исп.)
Да здравствует старина сэр Генри Мерривейл! (фр.)
Приветствуем сэра Генри Мерривейла! (араб.)

Последнее было написано на арабском, воспроизведением которого мы решили не мучить наборщиков. Но это было еще не все. За правым красным канатом застыли, не смея и глазом моргнуть, человек двадцать музыкантов с преимущественно медными инструментами. Даже заезжий гость догадался бы, что оркестр состоит из танжерских полицейских. Над смуглыми лицами белели белые, похожие на американские каски. Форменные рубашки и шорты были цвета светлого хаки, грудь со свисающим с шеи свистком пересекала белая перевязь, спускающаяся к белому ремню с подвешенной к нему дубинкой. Скованные железной дисциплиной, они будто ждали условного сигнала.

И в нужный момент оркестр грянул, подобно артиллерии, приветствуя сэра Генри. Зазвучал гимн «Боже, храни короля».

Гражданская часть публики за красным канатом по другую сторону прохода разразилась такими бурными аплодисментами, что по громкости они почти сравнялись с музыкальным приветствием.

Морин Холмс, стоявшая на ступеньке позади Г. М., наклонилась и робко прошептала ему на ухо:

— Сэр Генри, боюсь, кто-то узнал, что вы здесь.

— Ну что ж... — проворчал Г. М., очевидно не зная, как к этому отнестись, и тут же, оживившись, добавил: — Эй, милочка, посмотрите-ка туда!

Это была кульминация торжественного приема, *le moment suprême*.

У центрального входа в аэропорт стояли два арабских мальчика лет девяти-десяти в курточках и штанах подозрительно белого цвета. На обоих были красные тарбуши с кисточками, которые в наши дни означают только то, что их владелец — мусульманин. Оба склонились по обе стороны предмета, похожего на широкий, свернутый в рулон красный ковер.

Перекинувшись парой слов, мальчишки проворно, как обезьянки, устремились вперед. Красная ковровая дорожка быстро расстилась в направлении трапа.

— Хм! — прокомментировал Г. М. со странной ноткой в голосе.

— Красная дорожка — для вас! — воскликнула Морин. — Ну разве не чудесно?

— Ничего особенного. — Г. М. небрежно махнул рукой. — Я на такие вещи внимания не обращаю, если вы об этом. — Он остановился, сложил ладони рупором и поднес ко рту.

— Эй! — Если учесть, что оркестр при повторном исполнении «Боже, храни короля» заиграл еще громче, а публика шумела так, как могут шуметь только в Танжере, было бы удивительно, если бы его слышали. Тем не менее у него получилось.

— Эй! — снова проревел он.

Красная дорожка на мгновение остановилась. Два смуглых настороженных личика обратились к нему из-под фесок.

— Вы слишком забираете вправо, — указал Г. М., дополняя слова жеста. — Еще чуть-чуть, и он окажется под хвостом самолета. Сдвиньте влево, вот сюда, чтобы я мог сойти на него!

В стране, где одно предложение может содержать слова из пяти языков, добиться понимания нетрудно с помощью пояснительных жестов. Мальчишки-арабы ухмыльнулись, сверкнули белками глаз и кивнули. Дорожка прокатилась к трапу и замерла, а мальчишки, словно получив тайный сигнал, исчезли.

— Хм! — повторил сэра Генри Мерривейл и небрежным жестом фокусника, передающего использованный реквизит ассистентке, протянул шляпу Морин.

Оставшиеся ступеньки он преодолел с величавым достоинством, хотя и слегка покачиваясь. Затем, приложив

руку к сердцу, гость поклонился направо и налево так низко, как только позволяли ему внушительные габариты.

— Muchas gracias, — поблагодарил сэр Генри. — Je vous remercie. Naharak sai'd. Благодарю вас, члены Консервативной партии.

Восторженный гул толпы заглушил бы, наверное, и стрельбу зениток, защищавших Лондон во времена «Блица»¹ десять лет назад.

Морин, чувствуя себя неловко из-за того, что держит шляпу Г. М., спустилась по трапу следом и встала у него за спиной.

— Я не знаю, что дальше, — признался именитый гость. — Представление достойное, но где распорядитель? Впрочем, помощь была уже близка.

Подчиняясь тому же неведомому сигналу, оркестр, в четвертый раз исполнявший «Боже, храни короля», внезапно умолк. Представляющая общественность толпа в пестрых одеждах тоже стихла. Морин показалось, что от тишины у нее зазвенело в голове.

Из-за правого каната вынырнул и выпрямился в полный рост молодой человек чуть выше среднего роста, слегка смуглый, темноволосый и поджарый. Твидовый спортивный пиджак, серые фланелевые брюки и строгий темно-синий галстук вполне могли быть куплены на Бонд-стрит. Хотя даже лучший друг не назвал бы его красивым, на худощавом лице читались ум и чувство юмора, которые при исполнении служебных обязанностей ему приходилось прятать за формальной вежливостью. В левой руке молодой человек держал небольшую папку бумаг.

¹ «Блиц» — бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Поклонившись Г. М., он поднял на гостя выразительные карие глаза.

— Сэр Генри, — сказал он по-английски без малейшего намека на иностранный акцент, — позвольте мне первым поприветствовать вас. Я — Альварес, команданте.

(Команданте? В спортивной одежде? Это могло означать что угодно. Но Г. М. не стал углубляться в эту тему.)

— Сынок, — сказал он, с сомнением подергивая себя за мочку уха, — это все весьма любезно с вашей стороны. Да, в самом деле. Но уверены ли вы, что устроили всю эту иллюминацию в честь того, кто вам нужен? Я лишь добрый старина Герби...

Альварес остановил его легким, едва заметным жестом. Холодно-официальный взгляд команданте скользнул по огромным постерам с приветствиями над зданием аэровокзала.

— Простите, сэр, — произнес он тоном глубочайшего уважения, — не будет ли благоразумнее отказаться сейчас от инкогнито?

— Хм. Что ж, если все считают...

— Сэр Генри! — перебил его новый, теперь уже женский голос.

Какая-то девушка, поднырнув под канат, подбежала к ним, и Морин устремила на нее внимательный взгляд, пряча любопытство под опущенными ресницами. Девушка определенно была британкой, лет двадцати пяти на вид, и настроенной явно дружелюбно. Ее густые, изысканно завитые волосы натурального золотистого цвета были уложены в прическу «паж». Под тонкими, изогнутыми дугой, но не выщипанными бровями сияли синие глаза с тяжелыми веками. Нежная кожа при малейшем напряжении покрывалась румянцем. Незнакомка почти не пользовалась пудрой и губной помадой, и при этом от нее исходила почти физически ощутимая аура абсолют-

ной женственности. Сама она вряд ли сознавала, какой эффект производит на окружающих, хотя сторонний наблюдатель в этом бы усомнился. Наброшенное на плечи легкое пальто не скрывало, однако, творение ее парижской портнихи, весьма необычное летнее шелковое платье с глубоким вырезом, плотно облегающее восхитительную фигуру. Она была без чулок и в открытых босоножках.

— Прощу простить, — сухо начал Хуан Альварес. — Позвольте представить...

— Пола Бентли, — воскликнула незнакомка, горячо пожимая руку Г. М. — Вас должен был встретить Билл, мой муж, вы с ним знакомы. Но его не отпустил консул, старина Джей. Вы позволите мне его заменить?

— О моя куколка! — воскликнул Г. М., совершенно ошеломленный. Именно такие женщины ему и нравились: чуточку запыхавшиеся, но не слишком скованные.

— Видите ли, — объяснила Пола, — беднягу Билла постоянно посылают, — в ее голосе, когда она заговорила о Билле, зазвучали глубокие нотки искренней любви, — в какие-то ужасные места по всему миру, чтобы он писал отчеты о всякой ерунде: бананах, машинах или о чем-то подобном. Каждый отчет в милю длиной, и старина Джей придирчиво изучает каждое слово. Билл вернулся всего три дня назад, и мы... Я имею в виду... — Пунцовый румянец залил ее щеки, и она замолчала.

— Конечно, моя куколка, — успокоил ее Г. М. — Вам нужно о многом поговорить наедине, вот и все.

— Да... что-то вроде этого. Да. Спасибо. — Удачно замяв неловкую тему, Пола Бентли вдруг заметила Морин, стоящую позади Г. М. — Э-э...

Откинув меховое мантио, Морин опустила ресницы, чуть прикрыв свои зеленые глаза, и, небрежной походкой пройдя к Г. М., нежно завладела его левой рукой.

Карр Дж. Д.

К 26 За красными ставнями : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. С. Самуйлова, М. Тарасова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. — (Классика детектива. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25765-8

Романы «За красными ставнями» и «Кубок кавалера» завершают цикл об эксцентричном и обаятельном сэре Генри Мерривейле — прославленном сыщике, обладающем редким даром оказываться в центре невероятных происшествий и находить разгадку там, где остальные заходят в тупик.

В романе «За красными ставнями» действие разворачивается в Танжере, куда Г. М. приезжает инкогнито в надежде отдохнуть. Однако его планы быстро рушатся: ему предстоит вступить в поединок с загадочным Железным Сундуком — неуловимым преступником, замыслившим похищение знаменитых алмазов султана.

В «Кубке кавалера» читатель попадает в старинное английское поместье Телфорд-Олд-Холл, где хранятся драгоценные реликвии времен Английской гражданской войны. Вокруг них начинают происходить загадочные вещи, и найти им объяснение под силу только Генри Мерривейлу.

Романы печатаются в новом переводе!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
ЗА КРАСНЫМИ СТАВНЯМИ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Редактор Мария Выбурская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.07.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Печатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILD-34739-01-R